

Народные русские сказки (Афанасьев)/Купеческая дочь и служанка

127[1]

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерниям, и приехал он в некое царство к царю, привёз красный товар и стал ему отдавать. Изымел с ним царь таково слово:

— Что, — говорит, — я по себе невесты не найду?

Вот купец и стал говорить этому царю:

— У меня есть дочка хороша; так хороша, что человек ни вздумает, то она узнает!

То царь часа часовать не стал, написал письмо и скричал своим господам жандармам:

— Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери! — а в письме написано: «Убирайся венчаться».

Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убираться, и служанка с нею; и никто эту служанку не разгадает с купеческой дочерью: потому не разгадает, что обе на одно лицо. Вот убрались они в одинакое платье и едут к царю венчаться. Досадно стало этой служанке; сейчас и говорит:

— Пойдём, по острову погуляем!

Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, вырезала у ней глаза и положила в карманчик. Потом приходит к жандармам и говорит:

— Господа жандармы! Уходилась на море моя служанка.

А они в ответ:

— Нам лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовсе не нужна!

Приехали к царю; сейчас стали венчаться и начали жить. Вот царь сам себе думает:

— Должно быть, купец меня обманул! Это не купеческая дочь. Отчего она так нехороша умом-разумом? Вовсе ничего не умеет делать!

Живёт он с нею; а эта купеческая дочь опомнилась от болезни, что ей служанка-то причинила: ничего она не видит, а только слышит. И слышит она, что стережёт старичок скотину; стала ему говорить:

— Где ты, дедушка, находишься?

— Я живу в избушке.

— Прими и меня с собою.

Старичок принял её. Она и говорит:

— Дедушка, отгони скотину-то!

Он её послушал — отогнал скотину. И посылает она этого старика в лавку:

— Возьми ты бархату и шёлку в долг.

Старик пошёл. Из богатых никто не дал в долг, а дали ему из бедной лавки. Принёс он слепенькой бархату и шёлку. Она ему говорит:

— Дедушка, ложись спать и ухом не веدي; а мне что день, что ночь — всё равно!

И стала из бархату и шёлку царскую корону шить; вышила такую хорошую корону, что глядеть — не наглядишься.

Полутру рано будит слепенькая старика и говорит:

— Поди, отнеси к царю; ничего не проси, а проси только глаз; и что над тобой ни будут там делать, — ничего не бойся!

Вот он пришёл во дворец, принёс корону. Тут все над этой короной сдвигались и стали у него торговать; а старичок стал у них просить глаз. Сейчас донесли царю, что он глаз просит. Царь вышел, обрадовался короне и начал торговать её, а тот и с него глаз просит. Ну, царь заругался и хотел уж его в острог сажать. Только что царь ни говорит, а он своё дело правит. Царь скричал своим жандармам:

— Подите, у пленного солдата вырежьте глаз!

А жена его, царица, сейчас выскочила, вынимает глаз и даёт его царю. Царь очень обрадовался:

— Ах, как ты меня выручила, царевнушка! — и отдал старику этот глаз.

Старик взял и пошёл со дворца; пришёл в свою избушку. Слепая спрашивает:

— Взял ли ты, дедушка, мой глазок?

Он говорит:

— Взял.

Вот она приняла у него, вышла на зорю, поплевала на глазок, приставила — и стала видеть.

Посылает она старичка опять в лавки, дала ему денег, велела долг отдать за шёлк и за бархат и ещё приказала взять бархату и золота. Взял он у бедного купца и принёс купеческой дочери и бархату и золота. Вот она села шить другую корону, сшила и посылает старичка к этому же царю, а сама приказывает:

— Ничего не бери, только глаз проси; а станут тебя спрашивать, где ты взял, — скажи: мне бог дал!

Пришёл старик во дворец; там все сдивовались; первая корона была хороша, а эта ещё лучше. И говорит царь:

— Что ни давать, а купить надо!

— Дай мне глаз, — просит старик.

Царь сейчас посылает вырезать глаз у пленного, а супруга царева тут же и вынимает другой глазок. Царь очень обрадовался, благодарит её:

— Ах, как ты меня, матушка, выручила этим глазком!

Спрашивает царь старичка:

— Где ты, старичок, берёшь эти короны?

— Мне бог дал! — сказал ему старик и пошёл со дворца.

Приходит в избушку, отдаёт глазок слепенькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазок, приставила его — и стала видеть обоими глазами. Ночь спала в избушке, а то вдруг очутилась в стеклянном доме, и завела она гулянья.

Едет царь посмотреть, что такое за диво, кто такой построил эти хоромы? Въехал во двор, и так она ему рада, сейчас его принимает и за столик сажает. Попировал там, уезжает и зовет её к себе в гости. Вернулся к себе в дом и рассказывает своей царице:

— Ах, матушка, какой в этом месте дом и какая в нем девица! Кто что ни вздумает, то она узнает!

Царица догадалась и говорит сама себе:

— Это, верно, она, которой я глаза вырезала!

Вот царь опять едет к ней в гости, а царице очень досадно. Приехал царь, попировал и зовет её в гости. Она стала убираться и говорит старичку:

— Прощай! Вот тебе сундук денег: до дна его не добирай — всегда будет полон. Ляжешь ты спать в этом стеклянном дому, а встанешь в избушке своей. Вот я в гости поеду; меня вживе не будет — убьют и в мелкие части изрубят; ты встань поутру, сделай гробок, собери мои кусочки и похорони.

Старичок заплакал об ней. Тем же часом жандармы приехали, посадили её и повезли. Привозят её в гости, а царица на неё и не смотрит — сейчас застрелила бы её.

Вот и вышла царица на двор и говорит жандармам:

— Как вы эту девку домой повезёте, так тут же иссеките её в мясные части и выньте у ней сердце да привезите ко мне!

Повезли они купеческу дочь домой и разговаривают с ней быстро; а она уж знает, что они хотят делать, и говорит им:

— Секите ж меня скорее!

Они иссекли её, вынули у ней сердце, а самую в назём закопали и приехали во дворец. Царица вышла, взяла сердце, скатала его в яйцо и положила в карман. Старичок спал в стеклянном дому, а встал в избушке и залился слезами. Плакал-плакал, а дело надо исполнить. Сделал гроб и пошёл искать её; нашел в навозе, разрыл, собрал все части, положил их в гроб и похоронил у себя.

А царь не знает никакого дела, едет к купеческой дочери в гости. Приехал на то место — нет ни дома, нет ни девицы, а только где она схоронена, там над ней сад вырос. Вернулся во дворец и стал царице рассказывать:

— Ездил-ездил, не нашёл ни дома, ни девицы, а только один сад!

Вот царица услышала об этом; вышла на двор и говорит жандармам:

— Ступайте вы, посеките на том месте сад!

Приехали они к саду и стали его сечь, а он весь окаменел.

Не терпится царю — хочется сад посмотреть; вот и едет глядеть его. Приехал в сад и увидал в нём мальчика — и какой хорошенький мальчик!

— Верно, — думает — господа гуляли да потеряли.

Взял его во дворец, привёз в свои палаты и говорит царице:

— Смотри, матушка, не расквили[2] его.

А мальчик на то время так раскричался, что ничем его и не забавят: и так и сляк, а он знай кричит! Царица вынула из карманчика яичко, скатанное из сердца, и дала ему; он и перестал кричать, зачал бегать по комнатам.

— Ах, матушка, — говорит царь царице, — как ты его утетила!

Мальчик побёг на двор, а царь за ним; он на улицу — и царь на улицу, он в поля — и царь в поля, он в сад — и царь в сад. Увидал там этот царь девицу и очень обрадовался. Девица и говорит ему:

— Я твоя невеста, купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка.

Вот и приехали они во дворец. Царица упала ей в ноги:

— Прости меня!

— А ты меня не прощала: один раз глаза вырезала, а в другой велела в мелкие части рассечь!

Царь и говорит:

— Жандармы! Вырежьте же теперь и царице глаза и пустите её в поля.

Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали её кони по чистому полю. А царь с молодой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовался и в золоте водил.